

ПРОТОИЕРЕИ АЛЕКСАНДР САЛТЫКОВ
Декан Факультета Церковных Художеств ПСТГУ

Выбор веры

(к 1000-летию кончины
святого равноапостольного великого князя киевского Владимира)

К середине — концу X века усилиями ряда поколений великих князей из рода Рюрика на востоке Европы было создано громадное и могущественное государство. Держава Рюриковичей состояла из славянских, отчасти угро-финских и тюркских племен. Все эти племена поклонялись своим племенным языческим богам и были объединены военной силой киевских князей. Последний из предшественников крестителя Руси великого князя киевского Владимира — его отец, великий князь Святослав Игоревич особенно много потрудился в расширении своего государства.

В конце 10-го столетия от Рождества Христова произошло принятие христианства как государственной религии в Русском государстве.

Это был особый момент мировой истории: завершалось Первое тысячелетие христианства, и человечество приготавливалось к своему вхождению в следующее, Второе тысячелетие христианской эры. Этот следующий период

нес в себе множество новых трудностей и испытаний, неизвестных древней Церкви. И Промысл Божий готовил Церковь к Ее дальнейшему служению в том числе и тем, что накануне драматического разделения церквей, всего лишь за 60 -70 лет до отпадения Рима от Православия Господь воздвигает в огромной северной стране великую православную державу, призванную поддерживать и укреплять Православие на многие сотни, более тысячи лет — почти все Второе тысячелетие — во всем мире.

В замысле Божиим было и географическое положение этой державы: ограниченная с одной стороны северным океаном, с востока и юго-востока — незаселенными или малонаселенными гигантскими пространствами степей и лесов Евразии, она простиралась на огромных пространствах от Балтийского моря до Заволжья, до Карпат, до степной полосы на юге. Русское государство имело богатые возможности для самобытного и самостоятельного

политического, религиозного и культурно-исторического развития в преимущественном контакте с христианскими государствами.

Создание могучей православной державы 2-го тысячелетия было возложено Богом на Своего избранника, каковым стал великий князь Владимир. Дело князя Владимира было подготовлено в предыдущие эпохи. Христианство было уже несколько раз проповедано в этих землях. Зерна были брошены неоднократно, но взошли они не сразу. Был нужен выдающийся деятель, который продвинул бы веру Христову во все концы грандиозной державы.

Крещение Руси при князе Владимире имеет свою достаточно длительную предисторию, которая постоянно привлекает внимание историков.

Из предшествующих событий особенно значимым является крещение русов при патриархе Фотии в 60-гг 9-го века. Не следует игнорировать слова патриарха Фотия о новокрещенных русах, в его окружном послании 867 года. Более того, фотиевская характеристика высокой религиозности новообращенных русов становится достоянием всего византийского мира: торжественное оповещение народов империи в Окружном послании 867 года об крещении враждебных росов (русов), как о великом событии является исключением среди, кажется, всех европейских народов. Даже если сказанное там - риторическое преувеличение, оно тем не менее основано на

каких-то реальных фактах благочестия новообращенных, к которым даже был послан епископ. Есть мнение, что это были причерноморские русы. Но можно ли разделить тех и других русов непреходимой стеной? Тем более, что нам известен все же лишь один крупный центр русов - Киев, где находился князь, а епископа могли послать лишь в достаточно известный и большой город с князем во главе. А где епископ, там и приходы и, соответственно, храмы. Не будем забывать летописное сказание об Аскольде и Дире. И что замечательно, с нашей точки зрения, слова Фотия о ярком благочестии русских могут быть распространены на много последующих столетий, поскольку русская религиозность действительно навсегда осталась глубокой, искренней и самобытной. Следствием этого было основание Русской епархии, позднее митрополии, занимавшей в византийской Нотиции - росписи епархий константинопольского патриархата - 61 место по списку 12 века. О епископе сообщают сам патриарх Фотий, затем, в середине 10 века - император Константин Багрянородный.

Существенно, что о христианах при князе Игоре (1-я пол.10 века) говорят известные договоры с греками: дружинники-христиане клянутся в церкви св. Илии пророка, причем под 6453 (945) годом «Повесть временных лет» (в дальнейшем - ПВЛ) сообщает ценные сведения о распространении христианства до Владимира: «христианскую русь приводили к присяге

в церкви святого Илии, что стоит над ручьем в конце Пасыничей беседы и Козарского урочища. Это была соборная церковь, ибо много было христиан среди варягов». Что значит «соборная»? Соборной церковью именуется обычно главный храм, где служит епископ. Значит, причт этого храма подчинялся некоему епископу, без которого существование церкви невозможно. Очень вероятно, что этот первый епископ пребывал в Киеве лишь короткое время - его могли изгнать при великом князе Олеге Вещем после убийства Аскольда и Дира. Епископ мог находиться где-то далеко, но он непременно был, и священник храма поддерживал с ним, может быть довольно редкую, но постоянную связь. Когда возник храм Илии-пророка в Киеве, мы не знаем, но он имел уже свою историю и возник, надо полагать, не при Игоре: естественно предположить, что строительство храма было совершено по воле правившего князя в один из ярких моментов ранней христианской проповеди среди русов - в первую очередь, такое было во времена патриарха Фотия. К тому же примечательно, что в Скандинавии и Германии, в отличие от Византии, неизвестны храмы во имя св. Илии этого времени¹.

Другое важнейшее событие в поэтапной христианизации Руси после крещения при патриархе Фотии - крещение великой княгини Киевской Ольги за 40 -50 лет до Владимира в Константинополе при императо-

ре Константине Багрянородном. При этом, в поездке ее сопровождал пресвитер по имени Григорий, хотя Ольга еще не была крещена. Очевидно, Ольга имела свои связи с киевским духовенством. Есть мнение, что Григорий - лишь назначенный при ней священник уже в Константинополе. Но все же не случайно он при ней появился. Киевское духовенство имело свои корни в митрополии и уже сложившуюся традицию, восходящую к предшествующему веку.

Были попытки распространить на Руси христианство и со стороны западной Церкви. Не случайно дружинники Игоря носят не греческие, а варяжские, западные имена. О западной христианской традиции на Руси говорят разные факты. Достаточно напомнить, что такие ключевые русские церковные слова, как «церковь», «крест», «алтарь» и некоторые другие, которые являются по происхождению не греческими, а латинскими и вошли в русскую жизнь в незапамятные времена. Но несмотря на то, что во главе Русского государства стояла варяжская, по происхождению, династия, латинская проповедь ни разу не имела значительного успеха. Как отметил Д.С. Лихачев, «попытки обосновать ту мысль, что Ольга и Владимир приняли христианство по латинскому обычаю, лишены сколько-нибудь научной документальности и носят явно тенденциозный характер. Не стоит перечислять всю ту слабую аргументацию, которую обычно приводят католические исто-

рики русской церкви². Так или иначе, в течение 9-10 веков, до князя Владимира, распространение христианской веры в Русском государстве шло медленно.

Тем не менее, ко времени св. Владимира русские уже более ста лет были знакомы с христианством и более того, у них был свой епископ, который какое-то время должен был жить в Киеве, имея там храмы. Но язычество, безусловно, преобладало. Не случайно и князь Святослав на предложение его матери княгини Ольги принять крещение, отвечал ей, что дружина будет смеяться. Впрочем, сам Святослав не препятствовал принимать христианство желающим. Тем не менее, смех Святославовых дружинников может отражать какие-то конфликты язычников с киевской христианской общиной. Источники говорят, что варяг, сына которого жрецы выбрали для заклания языческим богам при Владимире в 983 году, исповедывал христианство тайно, и только обстоятельства заставили его раскрыть свою веру.

Из древнейших храмов, возникших до Владимира, помимо храма св. пророка Илии, о котором уже говорилось, известен храм во имя св. Николая чудотворца, воздвигнутого, по преданию, на могиле Аскольда. Эти двое святых с древнейших времен являются наиболее любимыми святыми русского народа.

Несмотря на то, что христианство было уже известно на Руси, уже существовали христианские храмы

и было влияние княгини Ольги, князь Владимир получил обычное языческое воспитание в традициях своих предков и юность провел, как необузданный язычник. У нас нет детальных сведений о том, как он пришел к христианству. Знаменитый рассказ о выборе веры весьма значителен; но сам по себе он все же недостаточен для понимания внутренних побуждений обращения великого князя к Православию. Однако, знакомство с жизнью князя, подробно описанной Нестором, создает убедительное впечатление, что Владимир, испробовав все, что может дать земное бытие, разочаровался и стал искать иного, что ему смогло дать только христианство.

Попытка реформы язычества

Являясь наследником своих предков, великий князь киевский Владимир должен был думать о будущем своего народа и своего государства. Замечательной чертой его личности являлся глубокий и пронизательный ум, позволивший ему понять, что государство не может держаться лишь на одной военной мощи и примитивных языческих воззрениях. Нужно другое, то, что подлинно и надолго объединит все племена огромного государства в одно, достаточно органичное целое на надежной духовной основе. И уже вскоре после занятия киевского престола в 980 году он понял, что объединить племена и надолго укрепить государство должна более совершенная религия. Владимир решил сам создать

новую, полноценную языческую религию, объединив в единый пантеон избранных богов. Исследователи отмечают, что в их состав вошли некоторые божества иранского происхождения, причем некоторые славянские не вошли. Изменение и умножение пантеона может говорить о свойственном Владимиру интересе к не-славянским религиям. Включение тюрко-хазарских божеств является свидетельством расширения и усиления власти киевского князя³. Культ усложнился, стал торжественнее и свирепее. Учитывая наличие христианской общины в Киеве (вероятно, и в Новгороде), можно согласиться с мнением о сознательно антихристианской направленности нового культа⁴. Это связано, как иногда считают, с тем, что убитый Владимиром его брат Ярополк сочувствовал христианам. Однако возлагаемые на язычество надежды не оправдались.

Важной вехой стал 983 год, когда языческие жрецы были публично посрамлены мужественным варягом, не захотевшем отдать своего сына в качестве кровавой жертвы. Следует, по-видимому, учитывать, что князь здесь не был посторонним зрителем, а считался верховным жрецом, но увидел полный крах этой мрачной затеи⁵. Владимир дал согласие на требование жрецов о принесении кровавой жертвы языческим богам, уже зная кое-что о христианстве на общеполитическом уровне, поскольку существовали торговые и определенные политические связи с христианскими странами. Эти

знания, полученные и от Ольги, и от мелких встреч с киевскими христианами и священниками, и от каких-либо других лиц, бывавших в Константинополе и в других христианских странах, были ему необходимы как правителю огромной державы. Однако Владимир долго предпочитал культ силы и чувственности. Убийство двух варягов показывает, что христианство по-прежнему держалось среди узкого избранного круга и среди лиц, близких князю Владимиру. Напрасно некоторые исследователи ищут «заимствования» и «вставки» в вызывающих словах варяга, брошенных язычникам. Легко понять, что варяг, как христианин и воин, ни в коем случае не мог покорно отдать собственного сына беснующейся толпе и, без всякого сомнения, желал умереть вместе с ним. Оскорбительные слова об идолах были намеренным вызовом на смертный бой и готовность принять смерть с исповеданием в устах христианской веры. Их убийство не получило поддержки князя - жертва не состоялась и, таким образом, язычество было посрамлено, а христианство восторжествовало. Собственно говоря, приводимые в летописи пререкания варяга с язычниками были первым известным на Руси «диспутом», который сразу же посрамил языческую веру. К тому же, князю-язычнику, по-видимому, все же оказался достаточно чужд и сам дикий, античеловечный, демонический обряд кровавой жертвы, предложенный жрецами. Нет сомнения и в том,

что князь сам хорошо знал обоих, хотя и не подозревал, возможно, что они - христиане. Также допустимо, что Владимир убедился в явном моральном превосходстве варягов-христиан над языческими жрецами, а, может быть, и услышал насмешливую аргументацию, разоблачавшую языческих богов. В этот момент он мог вспомнить княгиню Ольгу и ее наставления... Легко представить, что он ощутил личную потерю от бессмысленного убийства этих верных воинов. И князь Владимир полностью теряет интерес к язычеству.

Выбор веры

Выбор веры – особый и чрезвычайно значимый момент истории Руси. Цель выбора веры понятна: убедившись в том, что традиционная языческая вера несостоятельна, святой князь вдумчиво и самостоятельно оценил разные веры, чтобы выбрать лучшую для своего народа. Эта тема вызвала среди историков обширные комментарии. Исследователи, наиболее сосредоточенные на критике источников, иногда забывают, как кажется, об исторически необходимых условиях, в которых происходит изучаемое событие, и рассуждения, подобные рассуждениям таких авторов, иногда носят несколько абстрактный характер.

Несколько позже, в 14-м веке, мы знаем еще два выбора веры на территориях русского влияния: Золотая Орда выбирает ислам, а Литва - католицизм. Оба эти государства находи-

лись в тесном общении с православной, хотя и политически слабой в тот период Русью и отказались от возможности принять Православие, надеясь получить большую пользу от выбранных ими конфессий для своего будущего.

Выбор веры, произведенный князем Владимиром, сам по себе является несомненным фактом, потому что признание несостоятельности язычества вынуждало его и его советников сравнить другие религии. Так что можно говорить только о форме выбора. Но какая могла быть иная форма, кроме встречи с теми, кто знает эти религии и может о них содержательно рассказать? Единственный вид публичных обсуждений – личная встреча и беседа. Так что никаких принципиальных сомнений в реальности такого сопоставления разных религий не видится. Еще митр. Макарий (Булгаков) обстоятельно показал убедительность рассказа о религиозных посольствах⁶, собрав достоверный материал о придворных диспутах в эпоху средневековья от Хазарского каганата до Китая. Русское государство было окружено народами разных вер. Киев стоял на пересечении важных путей: север – юг и запад - восток. Контакты с соседями были постоянными. Убедительно говорил об этом уже С.М. Соловьев, указавший на пограничность Русской земли между Европой и Азией, где всегда смешивались племена и религии. Поэтому Русь, осуществляя выбор веры, повторила опыт Козарского царства, но «евро-

пейский смысл избрал христианство»⁷. Нет ничего странного в том, что князь, сознавая свою ответственность в вопросе веры, мог дать знать о своих религиозных интересах представителям разных государств, хотя бы, например, через купцов, которые часто использовались для выполнения дипломатических задач. У Киева было постоянное общение и с греками, и с хазарами, и с болгарями, и с латинянами.

В осторожной форме допускает «отдельные факты разновременного миссионерства и народные рассказы на эту тему» А.Е. Пресняков⁸. Вместе с тем, А.Е. Пресняков указывает на достаточно частые сношения с Римом, говорит о посольстве Владимира в Хорезм и мусульманского посольства на Русь в рассказе 13 века Мухаммеда ал-Ауфи, а «встречи с еврейской пропагандой», по его мнению, «более чем вероятны»⁹.

Что касается прихода к Владимиру греческого философа, то А.Е. Пресняков, ссылаясь на А.А. Шахматова, считает этот рассказ исключительно «литературной легендой»¹⁰. Еще ранее А.А. Шахматова подлинность сказания о крещении князя Владимира энергично и многословно оспаривал Е.Е. Голубинский¹¹.

При всем уважении к этим замечательным ученым с ними нельзя согласиться. Прежде всего, если нельзя отрицать возможные встречи и с латинянами, и с мусульманами, и с иудеями, то почему же остаются в стороне православные? Между тем, греческий посол прямо говорит, что он пришел,

узнав о встречах князя с представителями других конфессий: «Слышали мы, что приходили болгары... и еще слышали мы, что приходили из Рима (немцы)...». Откуда, почему слышали? Нельзя не учитывать, что в Киеве была христианская община, которая не могла не знать о происходящих встречах и в любом случае была прямо заинтересована во встрече князя с православным проповедником. Киевские христиане уже не раз видели опасность гонения; последний случай был именно при князе Владимире, когда он еще так недавно - 3 года назад - был согласен принести кровавую жертву, павшую на христиан. После этого христианам было чего опасаться! К тому же, священнослужители всегда знают, что на каждом храме лежит долг апостольского служения. Киевские священники знали историю своего прихода, и когда у князя вдруг пробудился интерес к религиозному вопросу, они должны были понять, что ответственный момент их миссии в Киеве приблизился.

История киевского прихода (или приходов) нам неизвестна, но необходимо учитывать некоторые общие факты, которые обрисовывают положение киевских христиан в 9-10 веках. Прежде всего, то, что еще в 60-е годы 9-го века правителями города, какими в летописной традиции признаются Аскольд и Дир, был построен храм, где правители собрали небольшое число своих приближенных. Таким образом, христианство на первом этапе своего существования в Киеве

оказалось в выгодном положении. Но при князе Олеге Вещем это положение изменилось в худшую сторону, хотя обычно признается, что, убив обоих правителей, Олег все же не стал сильно притеснять христиан. При князе Игоре мы видим лояльность власти к христианам, поскольку сообщается о дружинниках, клявшихся в храме св. Ильи-пророка. Соборная церковь существовала, но епископа уже не было. Однако, нет сомнения, что люди долго помнили о епископе. Если церковь - соборная, значит в ней служил не один священник, а несколько. Очевидно, вера держалась по-прежнему в основном среди группы знатных лиц. Дружинники образовывали высший слой общества. Есть основания предполагать, что христианство даже несколько расширилось, поскольку летописец счел необходимым указать место на Почайне, где стояла церковь святого Ильи. Принятие христианства великой княгиней Ольгой вновь укрепило христианство среди киевской знати. Вера христианская — «греческая» - как-то обсуждалась и сравнивалась с местным язычеством, на что указывает упомянутый ответ Святослава матери, предложившей ему принять христианство. Понятно, что среди молодых удальцов, признававших и ценивших только силу и воинскую ловкость, учение о терпении, смирении, покаянии и прочих христианских добродетелях не пользовалось успехом. Но вместе с тем, Святослав христианству не препятствовал.

Поскольку церковь в Киеве существовала уже давно, там имелось постоянное духовенство, которое периодически, по мере необходимости обновлялось. Было бы большой ошибкой считать, что эта община в Киеве находилась в какой-то глубокой изоляции — там была небольшая, но постоянная группа верующих. Служба должна была идти на понятном или хотя бы близком местному населению языке, и необходимо подчеркнуть, что таким языком мог быть только болгарский язык. Поэтому, скорее всего, и священнослужители были болгарского происхождения. Признать это очень важно в свете будущего развития христианства в Киеве. В киевском приходе - или даже, возможно, в нескольких приходах — были необходимые книги: понятно, что без книг богослужение не могло осуществляться. Кроме богослужебных книг - Евангелия, Апостола, подвижного круга, минейных служб - там могли быть и иные книги, хотя бы в самом небольшом количестве. Священнослужители должны были издали как-то следить за событиями в христианском мире, где происходило много существенных изменений. Например, при посещениях папских послов или немецкой миссии киевские священнослужители встречались с ними. Они жили не в пустыне, а в известном и влиятельном городе и у них существовали контакты с родной страной, хотя бы редкие и нерегулярные. Они постоянно общались с киевлянами самого разного общественного положения.

И еще мы можем утверждать с достаточной уверенностью, что в храме велись какие-то записи. Такие записи всегда необходимы хотя бы потому, что следует помянуть умерших, особенно почитаемых - как церковных, так и светских. В первую очередь, всегда ведется запись причта, и умершие священнослужители поминаются в обязательном порядке, то есть, о них помнят. Так сохранялась историческая память о прошлом храма и его духовенстве. Также во все времена и всюду было необходимо помянуть правителей, как умерших, так и живых, в Киеве - великих князей. Тем более, при неопределенном положении церкви среди язычников, где всегда можно было ожидать изменения религиозной «политики». При киевском соборном храме еще до крещения киевлян должен был быть архив, который погиб при монгольском завоевании или при иной катастрофе, которых было много.

Также нужно иметь в виду, что священнослужители всегда являются сколько-нибудь образованными людьми. При всем этом очень вероятно, что епархиальный центр, которому подчинялась киевская община, в силу указанных обстоятельств скорее всего находился не в Константинополе, а в Болгарии. И необходимо учесть, что Болгария в это время переживала период высокого культурного расцвета. Если профессиональные встречи при Владимире происходили — а мы понимаем, что это так и было — то обеспокоенное киевское духовенство, без сомнения, дало

знать об этом в свою епархию. Оттуда и был прислан образованный наставник. Тем более, что Владимир был хорошо знаком с болгарами, на что указывал Е. Голубинский¹². Поэтому все рассуждения о том, что летописец «придумал» проповедника, необходимо полностью отбросить, хотя сам текст сказания мог иметь достаточно сложную историю. Полностью ясно, что в основе сказания о приходе в Киев греческого проповедника лежит неоспоримая действительность: киевские христиане нуждались в поддержке, не только потому, что опасались избрания князем какой-либо другой религии и, затем, реального преследования христианской общины, но и потому, что постоянно возносили молитвы о князе, народе и стране и их просвещении. К сожалению, никто из исследователей, кажется, не привлек для обсуждения положение христианской общины в Киеве. А это чрезвычайно важно.

Выбор веры всегда имеет свои, уникальные особенности. Поиск истинной веры князем Владимиром начинается вскоре после убийства двух варягов-христиан в Киеве в 983 году. Через три года после этого летопись сообщает о прибытии в Киев в 986 году ряда религиозных посольств в последовательности: магометане, западные христиане, иудеи, православный - и далее излагает беседы послов с Владимиром. О достоверности этих переговоров мы уже скажем ранее.

Нельзя не видеть, что беседы с представителями религий, за исклю-

чением встречи с греческим миссионером, излагаются летописцем весьма упрощенно, с фольклорным оттенком, но это не умаляет их значения. Ведь естественно, что посланные - а вслед за ними и летописец - приводят такие доводы, которые могли иметь смысл только в среде, лишенной какой-либо богословской подготовки. Да и сами послы понимали, что их высказывания должны были быть понятны и убедительны всем, а не только узкому кругу княжеских советников. В основном, это прагматические аргументы об удобстве и пользе той или иной религии в общих условиях жизни.

Следует, при этом, полагать, что встречи с послами происходили не за «закрытыми дверями», не в тайне, а наоборот, с достаточно широкой публичностью и привлекали интерес всего населения. Ведь в городе происходило нечто необычайное: никогда раньше в Киеве не появлялись такие гости и не звучали такие речи. Несомненно, Владимир принимал их с большой торжественностью — как полагается принимать послов: в присутствии, в первую очередь, «бояр», дружины, а также «градских старцев», т.е. администрации, с кем он обычно совещался о государственных делах. Таким исключительно важным делом был выбор веры. Жизнь в основных своих требованиях повсюду одинакова, и приезд значительных гостей в небольшом (по нашим понятиям) городе всегда зам привлекает. Вряд ли можно сомневаться, что народ с любопытством на-

блюдал происходящее и спрашивал у знакомых из дворца, что там происходит, что и как обсуждается... «Перед нами поистине эпическая картина, уснащенная народным юмором и полемически злыми выходками. Но она может иметь в основе кое-какие обрывки исторических воспоминаний»¹³. Кстати, отметим, что на картинах 19 века, изображающих эти события, князь всегда окружен множеством людей. О заинтересованности народа говорит замечание летописца ПВЛ, что люди при крещении в Киеве говорили: «аще бы се не добро было, не бы сего князь и бояри прияли». То есть, если бы эта вера не была самой лучшей, наш князь не выбрал бы ее. Кстати, это замечание говорит об относительной слабости язычества в киевской среде в то время, хотя все же такое влияние, конечно, было. Скорее всего, воспоминания об этих встречах еще долго сохранялись в народе, и летописец излагает их именно в общей и народной форме, наиболее понятной широкому кругу населения. Понятно также, что летописец излагает их с точки зрения своего превосходства, и это совсем не удивительно, поскольку сам он исповедует христианскую веру.

Замечательно, с какой глубокой обстоятельностью князь Владимир подходит к решению поставленной им великой задачи. Прежде всего, он исходит из понимания, что религий много и они различны. В каждой религии есть свое, некоторое положительное содержание. Князь Владимир прибегает к двойной

проверке: не ограничиваясь ответами на свои вопросы, он, согласно сказанию, посылает своего рода «духовные посольства» в те же религиозные центры, откуда приезжали миссионеры. Это говорит о его осторожности в таком большом вопросе. Но, следуя летописному тексту, можно утверждать, что Владимир уже уверовал ранее отправки духовного посольства в Царьград, будучи уже убежден греческим миссионером — философом, как его с уважением называет летописец.

Греческий философ и его речь

У некоторых исследователей беседа с философом вызывает недоверие: «Почему Владимир знакомится с христианством вроде бы лишь в изложении заезжих послов и философов, тогда как в самом Киеве имеются христианские общины, и с азами новой веры здесь вполне можно было познакомиться?» — задает вопрос А. Кузьмин¹⁴. Дело в том, что киевские болгарские священники были, безусловно, людьми, хотя и грамотными, но малокнижными и не обладали той широтой кругозора, которую искал Великий князь. Как правильно комментирует А.А. Шахматов, «Владимир хочет уяснить себе внутренний смысл новозаветных событий»¹⁵. Святой Владимир помнил, что Ольга сама ездила в Царьград, и он также хотел удостовериться о христианской вере с максимальной полнотой. Следует заметить, что философ был прислан в Киев и беседовал с князем Владимиром в тяжелый для Византийской им-

перии момент: шла борьба с мятежным Вардой Склиром, а летом 986 года разгорелась война с Болгарией, причем император Василий потерпел тяжелое поражение. Пока никто не знал о грядущих, еще более тяжелых испытаниях, но положение ухудшалось. Внезапно в Константинополь пришло известие, что киевский князь хочет узнать, какова православная вера и приглашает к себе для беседы духовных людей. Это было промыслительно, и Церковь послала в хорошо знакомую Русь миссионера — все же, скорее, славянина — который мог отвечать на вопросы князя в этот не простой для империи момент.

Чтобы убедительно говорить с князем и его приближенными, церковный посол должен был сам знать славянский язык и говорить, не прибегая к переводчику. В Константинополе отлично понимали, как важно послать в Киев для беседы с главой государства о вере опытного человека, способного вызвать доверие князя. Естественно полагать, что, хотя в летописи миссионер именуется греком, он, скорее всего, был крещеным выходцем из славянской среды, приобретшим образование. На это указал еще митр. Макарий (Булгаков): «Философ греческий, всего скорее, мог быть из болгар или других племен славянских, обитавших в Греции: найти такого проповедника грекам было легко, а послать — требовало благоразумие и желание себе успеха»¹⁶. Добавим, что греческую культуру и образование философ получил, скорее всего, не в Константинополе, а в другом месте.

Это видно из того, что в речи философа содержатся некоторые существенные особенности и даже ошибки, которые не могли принадлежать константинопольскому деятелю: исследователи отмечают использование другого летоисчисления и некоторые архаичные полуарианские формулировки, которые никак не мог бы употреблять высокообразованный константинопольский богослов.

Несомненно, у проповедника были «рекомендации» и связи с христианским духовенством в Киеве, и даже он мог иметь поручение от епископа... Ведь понятно, что прибыв в Киев, Философ прежде всего пошел к «своим», чтобы поблагодарить Бога, узнать, каков князь, что и как обстоит в этом незнакомом городе, как проходили предыдущие беседы... А также совершить с киевским духовенством общее молебствие (мы скажем: молебен) об удачном совершении важнейшего дела религиозного просвещения киевского князя и его народа. Как мы уже сказали, киевское духовенство состояло, скорее всего, из представителей болгар или вообще западного славянства.

Беседа князя с проповедником Православия резко отличается от всех других бесед. В переговорах греческий миссионер участвует последним, и это позволяет ему выступать как бы с подведением итогов всех встреч. Он хорошо подготовился к ответственной встрече, и начинает с критики тех религий, представители которых пришли к Владимиру ранее него. Он как бы дополняет

то изложение религиозных представлений, которые были уже высказаны в ходе встреч Владимира с посланцами других религий.

А.С. Львов выявил в Речи философа многочисленные признаки западнославянского влияния IX века¹⁷. Вообще, удивляться западнославянскому влиянию не приходится, если духовенство в Киеве состояло из западных славян. По авторитетному мнению, акад. Д.С. Лихачева, «еще в X веке была написана “Речь философа”, представляющая собой изложение всемирной истории, в которую должна была влиться и русская история»¹⁸. Беседа изложена очень подробно, она имеет явный катехизический смысл, полезный, с точки зрения летописца, для всякого читателя.

Фактически, очень возможно, что реальная речь православного миссионера была несколько иной: так, подробное изложение библейской истории вполне может быть позднейшим дополнением, как бы украшением более древнего текста. Но чувствуется и более древняя основа беседы. Нельзя отрицать, что если у князя возникла склонность к Православию, то у него появился и естественный интерес к истокам веры. Этой заинтересованности князя и отвечал философ в своей длительной речи. К тому же, в Константинополе должны были учесть и то, что западная церковь прилагает свои усилия для обращения киевского князя. Мы останавливаемся лишь на некоторых, основных для нас положениях беседы князя с философом.

Критика нередко указывает на то, что значительная часть речи посвящена Ветхому Завету, что, якобы, не характерно для Православия. Это совершенно неверно. И уже А.А. Шахматов правильно рассуждал, что «философу пришлось связать прообразовательное (в тексте: «преобразовательное» - А.С.) значение ветхого завета с главными событиями земной жизни Иисуса Христа»¹⁹. Связь Ветхого и Нового Заветов - одна из главных основ христианства, разделить их нельзя, в Православной Церкви составлено огромное количество богословских комментариев на Ветхий Завет, являющийся прообразом Нового Завета.

Знаменательно, что говоря о западных христианах, проповедник сразу же объясняет князю самое главное: таинство евхаристии. В духе времени, он указывает на использование опресноков, как на важную, для 9-10 веков, ошибку латинян. Спор шел, как известно, давно, он обострился при патриархе Фотии (9-й век). Не все понимают значение этого фрагмента. Так, А. Кузьмин полагает, что у философа к латинянам «единственная претензия: «Служать бо опресноки рекше оплатки, их же Бог не преда, но повеле хлебом служити, и преда апостоломъ приим хлеб, рек: се есть тело мое, ломимое за вы; такоже и чашю прием рече: се есть кровь моя новаго завета; си же того не творять, суть не исправии верь». Иными словами, различие между Восточной и Западной церквями сводится к обряду причастия»²⁰. При всем уважении к крупному уче-

ному, это не совсем верно. Миссионер указал князю на эти различия, объясняя ему центральное значение евхаристии в христианской жизни: причастие - не обряд, а таинство. Это как раз показывает, что разговор с князем шел о вхождении в самую суть учения Церкви о спасении человечества Жертвой Христовой. Также А. Кузьмин упрекает философа, что он ничего не говорит о филиокве²¹. Но для того времени оно не было столь значимым, так как Церковь была единой, несмотря на расхождения. Отметим, что А. Кузьмину не нравится и речь представителя Рима, который в своем выступлении упомянул апостола Павла, но это не случайно: Павел считался апостолом славян, что и было учтено миссионером Римской церкви. Опыт кирилло-мефодиевской миссии все хорошо помнили, и для православного посла, которого мы считаем славянином, было бы естественным использовать труды солунских братьев или их последователей в той же Болгарии. Как отмечает прот. Лев Лебедев, «напоминание о Страшном Суде в связи с призывом креститься может принадлежать и Константину (Кириллу), ибо он именно так закончил свою проповедь в Хазарии (на Руси) в 861 году»²². У нас речь необязательно идет о буквальном литературном заимствовании, но в первую очередь - о преемстве, как и во многих других случаях, идей и методов.

Об изображении Страшного Суда

Греческий философ показал князю Владимиру изображение Страшно-

го Суда. Использованию в проповеди изображения Страшного Суда придает большое значение А.А. Шахматов. Он обратил внимание, что такое же изображение было представлено болгарскому царю Борису, и считает, что русский летописец просто переписал неизвестное болгарское сказание, поменяв имена и обстановку: «В основе... могло лежать предание об обращении Бориса св. Мефодием... кажется, совершенно невозможно отвергнуть тождество живописца Мефодия и св. Мефодия, Константинова брата»²³. Но обратим внимание, что по известному греческому тексту, царь пригласил живописца для изображения сцен охоты и ловли зверей. И кажется весьма странным, чтобы личный посланец патриарха Фотия, имевший уже широкую известность, пришел бы к болгарскому царю под видом живописца, как бы скрывая свое прямое предназначение. О том, чтобы св. Мефодий был иконописцем, и при том настолько опытным, чтобы выполнить царский заказ, как будто, нигде не сообщается. Автор усиливает акцент на личности святого Мефодия, чтобы подкрепить свою версию зависимости русского текста от неизвестного болгарского сказания о крещении болгарского царя Бориса.

Хотя царь Борис был крещен с привлечением изображения Страшного суда около 865 года, нет оснований подозревать здесь прямое литературное заимствование, как делает А.А. Шахматов со ссылкой на Татищева. «Можно думать, - говорит исследова-

тель - что в болгарском сказании говорилось о завесе, показанной философом Кириллом Борису»²⁴. Однако, болгарское сказание остается неизвестным, и сам Татищев упоминая о нем, говорит неуверенно: «но сие другое ли или тоже смешено, неизвестно» - рассуждает он, хотя также склоняется к заимствованию²⁵. Однако есть византийский источник, который также упоминает Шахматов, но он говорит иное. Согласно «Продолжателю Феофана», обращение Бориса происходит в совсем другой обстановке, чем у Владимира: Борис поручает художнику написать сцену охоты, а тот сам, в миссионерских целях, изображает вместо заказанного сюжета Страшный суд. О завесе здесь ничего не сказано, но пораженный Борис решает креститься. При этом царь Борис крестился тайно, а князь Владимир все вопросы, связанные с крещением, решает публично. Более того, есть древняя версия, по которой картина Страшного Суда для болгарского царя была написана на стене уже после его крещения и по его приказу²⁶. Необходимо учитывать, что в разных странах и даже в разные эпохи легко могут возникать схожие ситуации, когда встают однородные проблемы.

Согласно ПВА, греческий философ в Киеве действовал открыто и привлек аргумент, который придал его речи значительный перевес над проповедниками других вер. Миссионер знал, что будет иметь беседу с людьми (князь вряд ли был единственным слушателем).

лем), не искушенными в богословских вопросах. Поэтому он использовал прием «наглядного обучения» - приведя «доказательство от иконы». Перед глазами заинтересованных слушателей он развернул «запону» (завесу) с изображением Судища Господня – Страшного Суда. По тексту, этот эпизод в беседе представлен заключительным, после изложения основных событий Священной истории.

Очевидно, миссионер, приехавший в Киев, хорошо понимал значение образа в проповеди христианства. Не исключено, и даже очень возможно, что он знал историю обращения болгарского царя Бориса и решил воспользоваться этим опытом.

Между тем, в сообщении византийского хрониста о картине для царя Бориса есть такое красноречивое замечание: «Ничто не внушает такого страха - знал художник - как второе пришествие, и потому изобразил именно его, нарисовав, как праведники получают награды за свои труды, а грешники пожинают плоды своих деяний и сурово отсылаются на предстоящее возмездие»²⁷. Такова византийская позиция, и ее прекрасно знал и прибывший в Киев философ. Использование изображений с целью привлечения к вере являлось практикой Церкви на всем протяжении Ее существования. На такую практику указывает уже Седьмой Вселенский собор.

Замечательно, что русская летопись говорит именно о «запоне» - очевидно, это было изображение, тканое

или шитое по ткани, довольно большого размера. Миссионер представляет слушателем завесу, а не икону именно потому, что в далекое и опасное путешествие было бы трудно брать тяжелую по весу икону на деревянной основе, а ткань можно было свернуть, она была легкой и не занимала много места. Это свидетельствует, по нашему мнению, в пользу подлинности сказания, поскольку, если бы эпизод с изображением был бы поздним дополнением, сочинитель говорил бы скорее об иконе, а не о завесе, так как на рубеже 11-12 столетий привоз на Русь большого количества икон было уже обычным делом.

Использованная философом яркая наглядность художественной композиции, сопровождаемая, как очевидно, вдохновенной проповедью, возымела действие. Ведь нужно иметь в виду, что суть дела была не в признании князем бытия Бога - так как в те времена никто не сомневался в существовании вечной жизни и в бытии Бога или богов. Атеистов не было. Речь шла о признании христианского учения о Боге, как наиболее совершенного и предпочтительного.

Вообще, иконография Страшного Суда окончательно сложилась только в 10 веке, так что философ мог использовать для обращения русского князя относительно «новинку». Но более вероятно, что миссионер показал князю не образ Страшного Суда известный нам, в основном, по более поздним образцам. В тексте летописи изображение называется «Судище Го-

сподне». Дело в том, что летописный текст содержит ценную подробность: в беседе мимоходом затрагивается основная композиция изображения — она делилась на правую и левую стороны. Причем собеседники обсуждают ее: «...и се рек (о конце мира — авт.), показа ему запону, на ней же бе написано судище Господне, показываше же ему одесную праведныя, в веселии предъидуща в рай, о ошуюю — грешныя, идущих в муку. Вѣлодимер же, въздохнув рече: «добро сим одесную, горе же сим ошуюю». Он же рече: «аще хоцещи одесную стати, то крестися». Вѣлодимер же положи на сердци своем, рек: «пожду еще мало», хотя испытати о всех верах».

Этот живой диалог делает беседу еще более естественной. Из текста можно заключить, что пред глазами Владимира была композиция, в которой противопоставляемые группы праведников и грешников располагались не по вертикальной оси, как это принято в более поздней композиции Страшного Суда, а справа и слева, представляя композицию, буквально иллюстрирующую слова Христа о конце мира в Мф.25, 31-46. Такие композиции известны уже в римских катакомбах и, например, в Равенне (с овцами и козлищами, Сант Аполлинаре Нуово). Приведем полностью евангельский текст, чтобы было понятнее, о чем философ беседовал с великим князем:

«31 Когда же придет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле

славы Своей, 32 и соберутся пред Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов; 33 и поставит овец по правую Свою сторону, а козлов — по левую. 34 Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: «приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: 35 ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; 36 был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне». 37 Тогда праведники скажут Ему в ответ: «Господи! когда мы видели Тебя алчущим, и накормили? или жаждущим, и напоили? 38 когда мы видели Тебя странником, и приняли? или нагим, и одели? 39 когда мы видели Тебя больным, или в темнице, и пришли к Тебе?» 40 И Царь скажет им в ответ: истинно говорю вам: «так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне». 41 Тогда скажет и тем, которые по левую сторону: «идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его: 42 ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня; 43 был странником, и не приняли Меня; был наг, и не одели Меня; болен и в темнице, и не посетили Меня». 44 Тогда и они скажут Ему в ответ: «Господи! когда мы видели Тебя алчущим, или жаждущим, или странником, или нагим, или больным, или в темнице, и не послужили Тебе?» 45 Тогда скажет им в ответ: «истинно говорю вам: так как вы не сдела-

ли этого одному из сих меньших, то не сделали Мне». 46 И пойдут сии в муку вечную, а праведники в жизнь вечную».

Данный текст - единственный в Новом Завете, где описание будущего суда конкретно соединено с разделением на две стороны — правую и левую. И именно на приведенные слова Иисуса Христа князь Владимир, глядя прямо на изображение и воздохнув, и ответил: «Хорошо тем, кто справа, плохо тем, кто слева». **Именно эта фраза, с нашей точки зрения, и является свидетельством духовного переворота,** уже происшедшего в душе князя. Владимир — сказано - «положи на сердце своем». Как реальный духовный вождь своего народа, князь понял, что в словах Евангелия содержится простой ответ на то, как угодить Богу и в личной жизни, и в организации народной жизни. И понял это, указывает летописец своим сердцем... И тотчас философ сказал: «Аще хочещи одесную стати, то крестися». Как видно, композиция произвела на Владимира впечатление не меньшее, чем на болгарского царя Бориса в 9-м веке. «Вълодимер же, сему дары многы въдавь, отпусти с честию великою».

Прямая связь изображения с евангельским текстом, которую мы здесь легко устанавливаем, показывает, что беседа действительно была и касалась определенных духовных тем и вопросов, важных как для частного лица, так и для правителя. Она, по сути, и оправдывает направление катехизической установки философа, которое развито (и, возможно, позднее дополне-

но) в основной части «речи философа» в полном соответствии с традициями византийской церковной риторики. Таким образом, эпизод с разговором перед изображением является в своей основе несомненно подлинным событием и представляется крайне искусственным предположение, что все это сочинили в другом веке и в другом месте, а позднейшие редакторы внесли в русскую летопись из неизвестного текста для большей «убедительности». Зачем? Кого нужно было убеждать, если общеизвестно, что Владимир крестился? Ведь креститься можно и без картины. Не следует превращать преподобного Нестора в Льва Толстого. Но подлинность этого эпизода предполагает и реальность других событий, находящихся в одной связи с ним.

Не лишено некоторого интереса, что сделал с завесой проповедник потом, когда переговоры кончились? Поскольку в Киеве были христианские храмы он, вероятнее всего, отдал завесу в храм, где служили его соплеменники. Это был отличный подарок для бедного киевского прихода... Там, в киевской церковной среде, вероятно, и были созданы первые заметки о событиях, и в этих заметках, несомненно, присутствовали болгарские языковые влияния.

В дальнейшем, события в Киеве были записаны, по-видимому, по воспоминаниям, что позднее дало повод их обработать в соответствии с представлениями эпохи.

Выполнив свою задачу, философ уехал обратно в свой епархиальный

центр, или даже в Константинополь и там, надо полагать, доложил об успешном, в целом, результате своей миссии. Богатые княжеские дары подтверждали его слова.

Первое совещание о принятии Христовой веры

Намерение « подождать », да еще « мало », по прямому смыслу вовсе не означает отказа, ни даже сомнений. Наоборот: здесь ясное согласие, но с отсрочкой. Тем более, что философ получил и честь — да еще великую! — и дары... Другие этого не получали. Просто великий князь все делал основательно, не спешил в таком великом вопросе и хотел все обдумать, узнав подробнее и объективнее о религиях соседних народов. Летописец так и объясняет: « хотя испытати о всех верах » ... По поводу этих слов Шахматов утверждает, что « вставка содержит совсем излишний рассказ о посещении владимировыми мужами болгар и немцев, веру которых Владимир отверг уже раньше, а также греков »²⁸. Опять-таки это — сугубо личное мнение Шахматова, высказываемое, почему-то, без всяких апелляций.

К тому же, правдоподобность повторного ознакомления с религиями подтверждается уже упоминавшемся нами известием арабского писателя X-XI вв. аль-Марвази о посольстве Владимировых послов в Хорезм, на что уже не раз обращали внимание исследователи²⁹, а это в корне подрывает все построение А.А. Шахматова.

Но остановимся на вопросе, что означает новое « испытати веры » после бесед с их представителями? Сказав « пожду мало », князь, не откладывая надолго, созывает совещание (дружина, бояре, старцы), на котором подводит итоги проведенных встреч. В летописи сообщается о двух совещаниях по вопросу веры, что указывает на целенаправленную и настойчивую подготовку крещения. Это первое совещание уже объясняет, что означал ответ князя философу о задержке с крещением: князь важные вопросы решал не один, а обща с авторитетными помощниками. К сожалению, А.А. Шахматов и его последователи недооценивают значения этих последовательных обсуждений, хотя в одном месте своей работы А.А. Шахматов мимоходом упоминает « киевское вече ».

Хотя летописец своим рассказом показывает, что князь в своем сердце уже принял Христа, но учитывая, что вопрос о выборе веры носил публичный характер, князь уже сейчас должен был подумать о том, как он предложит принять новую веру своему народу. Не следует забывать, что князь поступает как опытный администратор и организатор, который провел уже множество реформ, и прекрасно знал, как много усилий нужно приложить, чтобы получить желаемый результат. Помимо того, приняв христианство, государю нужно будет выстраивать новые отношения с соседними народами как христианских, так и других религиозных убеждений.

Князь напоминает, пересказывая, содержание бесед с миссионерами и спрашивает мнения участников совещания. Поддержку самого князя получил греческий миссионер. В пересказе князя звучит особенный интерес к греческой вере: «Пришли греки, браня все законы, а свой восхваляя...». Тут же князь называет греков «мудрыми». На это бояре и старцы возразили: «Знай, князь, что своего никто не бранит, но хвалит. Если хочешь поистине все разузнать, то ведь имеешь у себя мужей: послав их, разузнай, у кого какая служба и кто как служит Богу». Предложение советников в основе можно считать явно антигреческим, поскольку о греках было сказано, что они свое хвалили, а чуждое бранили. На это и возражают советники. При этом все знали, что греческая служба совершалась и в Киеве. Но, отвечая князю, кто-то из них советует провести «встречную проверку». Главное - увидеть своими глазами, «кто как служит Богу». Этого требует объективность. Тем не менее, греческая вера имела несомненную оппозицию. Это были, прежде всего, сторонники языческих жрецов, которых князь поддерживал всего лишь три-четыре года назад. Наличие оппозиции свидетельствуется также летописным сообщением о предупреждении князя перед крещением киевлян: кто не придет, тот «не друг князю». Это не удивительно, поскольку в других странах происходили прямые столкновения с язычниками. Например, в соседней Венгрии почти в это же самое время дело дошло до ме-

ждоусобной войны королевской власти с феодалами-язычниками. Князю нужно было ее по возможности уменьшить. Ни с кем не споря, мудрый Владимир посылает группу надежных мужей в разные религиозные центры. Весь этот рассказ вызывает пространную критику Е. Голубинского, для которого обряд есть нечто-то внешнее, «тривиальное» и т.д.³⁰. Выдающийся историк явно недооценивает знаковую сторону обряда, что было свойственно его времени. Обряд - это язык жестов, торжественный публичный акт, обращенный к небу, особенно значимый для людей неискушенных. С Е. Голубинским солидарен и А.А. Шахматов (хотя он на Голубинского не ссылается).

Скудные киевские храмы мало могли показать, как Церковь служит Богу. Между тем, у князя, помимо противостояния с оппозицией, был живой интерес к тому, как совершается богослужение в разных религиях и во всей его полноте. Ведь миссионеры могли только рассказать князю каждый об общем содержании своей веры в самых общих словах, но не могли ее показать, явить содержание через обрядность. Академик А.А. Шахматов сам являлся представителем рационалистически мыслящей интеллигенции начала 20 века, и, как очевидно, скептически относился к «обрядовой стороне» религии. Поэтому ему (как и Голубинскому) казалось, что минимальной устной информации достаточно. На самом деле, всякая религиозная обрядность рождается из духа религии и показывает

этот дух. И князь Владимир в силу своей глубокой духовной одаренности это знал и чувствовал. И поскольку важно видеть и слышать, то выбирают для отправляемой по странам миссии «мужей мудрых».

Мы уже говорили, что рассказы о Константинополе, о богослужении в храме св. Софии князь, конечно, слышал от Ольги: ведь такой рассказ был одним из главных свидетельств о превосходстве Православия. Но вместе с тем, греческая храмовая жизнь, которая интересовала князя (по свидетельству митрополита Илариона), была образом общенародной жизни, сосредоточенной в храме. И это было важно для принятия решения о всенародном крещении. Общественная жизнь религиозного народа всегда несет в себе отпечаток храмовой жизни и ее красоты. Но храмовая красота есть не только внешняя, обрядовая красота, а еще и особая, внутренняя, в полном смысле слова духовная красота. Она является определяющей во всей жизни христианского народа. Об этой духовной красоте, сияющей через молитву и богослужение, по сути, и идет речь в летописи. Признать знаменитую речь киевских послов после их возвращения из Царьграда, сочинением позднейшего книжника, невозможно.

Удачно высказывается Д.С. Лихачев: «Эстетический момент играл особенно важную роль в византийском возрождении IX–XI веков, то есть как раз в то время, когда Русь принимала крещение. Патриарх константино-

польский Фотий в IX веке в обращении к болгарскому князю Борису настойчиво высказывает мысль, что красота, гармоническое единство и гармония в целом отличают христианскую веру, которая именно этим разнится от ереси... Невнимание к художественной стороне богослужения в глазах греков IX–XI веков было оскорблением божественного достоинства»³¹.

Итак, летописец рассказывает об ответной посылке княжеских послов в разные конфессиональные центры и особенно останавливается на посольстве в Царьград. Он влагает в уста послов, направленных к грекам и посетившим храм Святой Софии, знаменитый «эстетический аргумент», который нередко оценивается как главный. В Константинополе уже знали о благочестивых устремлениях русского князя и, как обычно, повели послов в храм святой Софии, чтобы закрепить эти намерения. Как справедливо излагает идею сказания А.А. Шахматов, «возвратившись из поездки, посланные Владимиром мужи дают отчет перед князем и дружиной. Результатом их горячей речи является решение бояр принять закон греческий»³².

Второе совещание.

Окончательное решение о подготовке крещения

Окончательно вопрос о крещении был решен на совещании с советниками — дружиной, боярами и старцами - после возвращения духовного посольства из Константинополя. На

этот раз советники, по ассоциации с рассказом послов, вспомнили об Ольге — мудрейшей всех людей: «Аще лихъ бы закон гречкый, то не бы баба твоя Олга прияла крещения». Об Ольге помнили всегда, но тут было важно узнать впечатления послов, совпадающие с воспоминаниями «мудрейшей» и тем подтверждающие ее. Далее в тексте читаем: «И спросил Владимир: «Где прием крещение?» Они же сказали: «Где тебе любо».

Вопрос «где» очень интересен: на совещании прозвучал вопрос о месте, где креститься, заданный самим Владимиром. Вопрос означает, прежде всего, что решение о совершении крещения было уже принято, и принято князем совместно с боярами, - с чем согласен и Шахматов - и это будет отмечено летописью еще раз позднее в изложении народных высказываний. И если такой вопрос был задан, то значит, могли рассматриваться разные варианты.

Но тут мы опять вынуждены вступить в спор с А.А. Шахматовым. По его мнению, «ответ бояр бессодержателен; он доказывает праздность вопроса, заданного князем... когда всем было ясно, что крещение русской земли может произойти только в самой этой земле... И конечно, у Владимира не могло возникнуть такого вопроса»³³. Опять уважаемому ученому все ясно.

Действительно, всем ясно, «что крещение русской земли может произойти только в самой этой земле...». Но А.А. Шахматов сам говорит, что первоначальным, якобы несохранившимся,

летописным рассказом был рассказ о крещении «в Киеве или в Василеве»³⁴ - вот уже два пункта возможного крещения; а «друзии же инако скажутъ» - приходится выбирать! Только у летописца выбирает князь с дружиной, а у нас — современный историк...

Цитируя летописца, который говорит о разных преданиях: «Се же, не сведуще право, глаголють, яко крестился есть в Киеве, инии же реща в Василеве, друзии же инако скажутъ», — А.А. Шахматов правильно выводит, что летописцу известны разные предания. Но летописец, опять же, якобы «искусственно» комбинирует нужную ему версию с Корсунью. То есть, обвиняя других, Нестор сам «глаголет не право»... Однако, по сути все, сказанное летописцем, можно понимать в гораздо более прямом и естественном смысле.

Возможен вопрос: откуда узнал летописец о разных версиях крещения князя Владимира? Нам ответят, что они как-то возникли... Не проще ли согласиться, что уже на княжеском совещании мог обсуждаться именно вопрос, где креститься - в Киеве, или в Василеве, или еще где-то. Очевидно, версии шли из одного центра, они широко обсуждались и выходили в народ, оставаясь в виде слухов, перешедших в предание.

На совещании могло обсуждаться: имелся ли в виду другой город или одна из княжеских резиденций? Конечно, князь не собирался ехать в Царьград по стопам своей бабушки Ольги. Вопрос о Корсуне вообще не мог стоять - это был далекий и чужой

город, Корсунь возникла внезапно, из полностью непредвиденных обстоятельств. Но вполне могла обсуждаться загородная резиденция - именно так мыслит, например, Е. Голубинский. Василев или иное место - крещение там означало бы, что князь меняет веру вместе со своим окружением, но отдельно от народа. Это могло бы вызвать дополнительные трудности, поскольку несомненное влияние на народ еще имели языческие жрецы. Если же князь и его советники пришли к решению крестить весь свой народ, то единственным решением с точки зрения престижности и доступности для населения, привлекаемого к крещению, был выбор столичного града. Только там находились ближайшие православные храмы, с духовенством которых князь, без сомнения, был знаком. Но и внутри города нужно было определить наиболее престижное и удобное место для совершения крещения не только самого князя, семьи и его приближенных, но и всей огромной массы народа, для многих тысяч крещаемых внутри самого этого града. Места могли быть разные: донныне точно неизвестно, происходило ли крещение народа в Днестре, или в Почайне (кстати, храм св. пророка Илии стоял на Почайне). Или, может быть, и там - и тут. Для самого князя и его семьи нужно было выбрать отдельное место. Намечалось небывалое в истории грандиозное дело. Организовать его было не менее трудно и ответственно, нежели военный по-

ход. И неудивительно, если сразу такое решение достигнуто не было. Поэтому нужно согласиться, что, хотя вопрос князя о месте крещения по существу не получил сразу конкретного ответа, реплика бояр вполне осмыслена и приемлема. «Где тебе любо» - это вежливая формула, которая выражает преданность, но и означает, что дать ясный ответ пока никто не мог. Обсуждение происходило в полном единомыслии, и никакого «смеха дружинников», как при Святославе, уже не могло быть. Вообще, источники говорят об очень тесном общении князя Владимира с дружиной. Но вопрос оказался слишком сложным по своей громадности и требовал времени для осмысления.

Замечательно, что Владимир употребляет множественную форму в своем вопросе о месте крещения. Ясно, что речь идет не только о личном крещении, но о совместном принятии христианства всех участников совещания, а вместе с ними - и всего народа. Свое согласие принять крещение бояре и старцы выразили указанием на то, что Ольга - мудрейшая всех, не приняла бы христианство, если бы эта вера была плохой. Об авторитете имени Ольги упоминает, как известно и черноризец Иаков.

Факт обсуждения, упоминание Ольги и множественная форма вопроса - где будем креститься - указывает, что было решено совершить всенародное крещение, как торжество всеобщего обращения к вере Христовой. Это

значит, что идея всенародного крещения сразу стала всеобщим достоянием. А всенародное крещение нужно было как-никак готовить. О результатах совещания должны были тут же узнать киевские священнослужители, которых было очень немного, но они стали необходимыми «консультантами». Они объяснили князю, что нужно продолжить катехизацию и ему самому, и его окружению. И что нужно заранее подумать о хотя бы минимальном оглашении огромного количества людей. Силами одного только киевского духовенства крестить всех, как очевидно, было невозможно. Не исключено, что уже обсуждалась возможность приглашения духовенства из каких-то славянских земель. А на это требовалось запланировать время - «пождать еще мало» ...

По мнению Д.С. Лихачева, «Исключительны роль и авторитет языка, перешедшего к нам с церковными книгами из Болгарии. Богослужение совершалось именно на этом языке. Он был языком высокой культуры, постепенно принимавшим восточнославянскую лексику, орфографию. Это указывает, какую роль в крещении Руси принимала именно Болгария»³⁵.

Тем не менее, поистине апостольское и эпохальное решение было уже принято, но по Промыслу Божию оно было осуществлено несколько позже в другой, непредсказуемой обстановке. Признавая всенародное крещение заранее решенным на этом совещании, мы утверждаем подлин-

ность основного содержания всего повествования о крещении Владимира. При этом можно вполне согласиться, что было принято предварительное решение совершить крещение в Киеве. И хотя получилось иначе, но первоначальное намерение великого князя принять крещение в стольном граде могло остаться в памяти его окружения и этим дать повод для возникновения киевской легенды о крещении Владимира именно там.

Мы не знаем конкретно, о чем думал великий князь, но, как мудрый политический деятель, он не мог не размышлять о том, что общенародное принятие крещения в корне изменит не только всю внутреннюю политику, но и его отношения с христианскими государствами, и в первую очередь, с Византией. Вообще, русский великий князь, сознавая свое могущество, особенно после разгрома Хазарского царства, мыслил себя царем - он иногда именуется «каганом»³⁶; но в византийской табели о рангах он значился всего лишь на уровне архонта, т.е. правителя области, это выражалось в дипломатической переписке. и его послы получали соответствующий их уровню прием. Архонтом именуется и сам князь Владимир у Скилицы и Зонары³⁷. Легко представить, что, прощаясь с «варварством» в перспективе вхождения в семью христианских народов при полном сознании своего могущества, князь мыслил себя отнюдь не каким-то «архонтом», а гораздо более весомой личностью правителя на уров-

не византийского государя. Здесь было о чем подумать. Политический мотив выбора веры неоднократно отмечался в исторической литературе, но этот мотив неразрывно связан с церковной, религиозной стороной отношений. Однако, пока шло обдумывание, как приготовить и провести новую религиозную реформу, произошли неожиданные события, которые резко поменяли все планы.

В итоге, мы согласны с А.А. Шахматовым в том, что на первый взгляд есть проблема согласовать, «с одной стороны, решения князя и бояр креститься, решения принятого в Киеве, с другой стороны, факта или предания о принятии крещения в Корсуне»³⁸. Но она решается, исходя из данных текста. Шахматов отказывается признать летописный рассказ о крещении Владимира «за одно целое... по решительному (? – А.С.) противоречию отдельных частей его...нельзя же было... изобразить бесплодность усилий греческого миссионера и допустить отказ русского князя креститься после собеседования с проповедником и достигнутого уже последним полного успеха (ср. слова Владимира по поводу картины Страшного суда)»³⁹. Как мы уже показали, все эти и подобные суждения поспешны. Сам Шахматов тут же признает, что «предидущие соображения не основываются, конечно, на вполне осязательных данных»⁴⁰. И действительно, при внимательном рассмотрении многие критические утверждения удается устранить.

Договор о военной помощи и о браке с царевной Анной

В ПВЛ, сразу после рассказа о принятии общего решения креститься, сообщается: «И минувшу лету, в лето 6496 (988), иде Володимеръ с вои на Корсунь, град гречкый...». Никаких объяснений этому военному решению нет не только в ПВЛ, но и в других русских источниках. Нет и прямой связи с вопросом о крещении. Некоторые ученые считают, что в данном месте текст сознательно оборван и заменен «корсунской легендой (А.А. Шахматов). Мы уже согласились, что вполне вероятно и даже естественно, что князь Владимир предполагал совершить принятие таинства крещения только в Киеве. Но произошли неожиданные события.

В 986 году в Киев прибыло посольство с просьбой о военной помощи. Интересно, что об этом греческом посольстве и последующем победоносном походе русского корпуса через всю Малую Азию известно лишь из греческих и восточных источников. Это несколько странно, поскольку поход был победоносным и принес славу русскому воинству.

Согласно текста Яхьи Антиохийского, князь Владимир встретил послов в 987 году совершенно неожиданным для них встречным требованием выдать за него царевну Анну. Хотя в Константинополе уже знали о намерении Владимира принять крещение, но, тем не менее, князь пока еще оставался язычником, поскольку,

как уже сказано, крещение, да еще совместно с народом, требовало подготовки. Но для греков было легче погибнуть, чем выдать порфирородную принцессу за язычника. Несомненно, послы были полностью обескуражены этим неожиданным заявлением и ответили, что князю нужно креститься. Но Владимир и сам это прекрасно понимал: после беседы с греческим философом и принятия «соборного» решения о всеобщем народном крещении он уже осознавал себя христианином, хотя и не торопился с его осуществлением. Это неудивительно, потому что не всегда правители принимали крещение сразу после проповеди. Святой князь Владимир хотел принять новую веру с наибольшей действенностью. Именно поэтому он и принял эпохальное политическое решение: используя ситуацию, жениться на царевне и стать родственником византийских императоров. Так князь Владимир, входя в семью христианских народов, принуждал греков признать свой царский титул.

Вопрос достаточно проясняется только с помощью привлечения византийских и восточных источников, повествующих о посольстве 987 года из Константинополя с просьбой о военной помощи в тяжелой борьбе императоров с самозванцами Вардой Склиром и Вардой Фокой. Сведения о намерении киевского князя принять крещение должны были быть учтены в Константинополе при подготовке посольства в Киев - это намерение подавало надежды на

его скорое согласие помочь империи. Но почему русские источники не сообщают об экспедиции военного корпуса в помощь Василию? Источники также о умалчивают и о первом епископе Руси при Владимире, прибывшем из Византии с Анной. Быть может, есть связь между этими двумя умолчаниями.

Уместно вспомнить, что к моменту составления известных нам летописных сказаний прошло около столетия или даже немного больше, времена изменились, между Киевом и Константинополем царили дружба и духовное единение.

Замалчивание некоторых важных подробностей в ПВЛ и в других источниках может объясняться тем, что во время создания текстов во главе русской Церкви стояли греческие митрополиты, присылаемые из Константинополя. Стремление греческих иерархов усилить на Руси влияние Константинополя общеизвестно. И греки, и русские, конечно, не хотели набрасывать тень на отношения с Константинополем при князе Владимире, равно как и на трудную историю замужества Анны. Это, возможно, ставило бы под сомнение добрые отношения с Византией. Последняя война закончилась в 1043 году поражением русского войска и вновь обострять отношения русские тоже не хотели. В таком контексте летописец Нестор мог только промолчать, версия же мниха Иакова о захвате чужого города с исключительно «благочестивыми» целями казалась, возможно, более

подходящей. И, возможно, было решено не вспоминать трудные эпизоды недавнего прошлого, связанные с принятием крещения в Корсуне.

Однако археологические исследования в Херсонесе, в течение уже десятков лет проводимые под руководством С.А. Беляева, убедительно подтверждают корсунскую версию крещения князя Владимира. Именно там, где указывает летопись - посреде града, где был расположен торг - найдены остатки величественного храма.

Но еще одним, очень важным фактором решения проблемы является отношение к чудесному. В вопросе о крещении святого Владимира и принятии им христианской веры недостаточно одной лишь профессиональной опытности и научной эрудиции. Понятно, что религиозная вера, как таковая, необходимо предполагает принятие чудесного, как прямого участия Бога в земной жизни. И совершенно ясно, что все участники событий обращения Руси к христианству безусловно допускали чудесное в полном объеме любых его проявлений. Все привлекаемые наукой древние источники, составлены людьми, которые не сомневались в реальности чудесного. Наличие чудесного в обращении Владимира обсуждается в источниках, признается или отрицается современниками в той или иной мере. Но новейшие исследователи чаще всего вовсе не разделяют этой веры в чудо и на описания чудес смотрят как на легенду, заимствование, произвольное

сочинение и т.д. Однако люди религиозного сознания с такими подходами не могут согласиться и, при всем уважении к исследовательскому профессионализму, не могут полностью доверять выводам науки, отрицающей то, что лежит в основе происходящих событий. С точки зрения религиозной, довольно странно выглядит наука, которая изучает религиозный феномен - здесь крещение князя Владимира - и одновременно отрицает собственно религиозную мотивацию, основанную на принятии чудесного. Недоверие к религиозному восприятию порождает соответственно, недоверие к мотивации поступков, которые совершали люди, безусловно религиозные. Возникают предполагаемые нерелигиозные объяснения, которые при тщательном рассмотрении, оказываются несостоятельны. Несомненно, существуют ложные «чудеса», но это не меняет сути дела.

Позволим себе представить, что же произошло в Корсуне после того, как византийские императоры дали, наконец, согласие на брак Анны с князем Владимиром. Итак, порфирородная принцесса Анна отправилась на нескольких кораблях в путь в Крым со многими слезами, в сопровождении епископа, своих придворных дам, отряда воинов. Вместо радостных надежд, которыми должна быть полна невеста, она шла с глубоким сознанием того, что ее отдают в полон, что ее ждет неизвестная и, быть может, тяжелейшая судьба. И здесь у нас возникает вопрос:

что делали участники, прежде всего, сама Анна, во время этого невеселого путешествия? Чем была занята ее душа? И мы можем дать единственный и, смею думать, безошибочный ответ: Анна горячо молилась Богу. Молилась Анна Иисусу Христу и Пречистой Богородице о своем будущем, о спасении, о просвещении своего жениха, о своем отечестве и о стране своего будущего... Молитва Анны приводится в поздних летописях: «Она же, обратив лицо свое к Святой Софии, начала плакать, глаголя молитву сию: «О великое человеколюбие, высокий Царю славы, Премудрость Отчая, иже от чистыя отроковицы храм себе создал, Сыне и Десница Вышнего! Простри, Отче Вседержителю, десницу от среди ядра Твоего и потреби врагов Христа Твоего, Ибо вот враги Твои восшумели и ненавидящие Тебя подняли главу и замышляют на люди Твоя... Но Господи, Господи, не остави слез моих, от противящихся деснице Твоей сохрани меня, Господи, как зеницу ока, и крылом Своим укрой меня. Ибо все подвластно Тебе, и слава твоя в век века, аминь». И плакали оба брата глядя на нее, видя ее в тоске и печали»⁴¹. Очень вероятно, что молитва - не подлинная, но думается, ни один, даже самый заядлый скептик не подвергнет сомнению религиозность и Анны, и всех ее спутников, тем более, что загадочное будущее не предвещало ничего надежного.

... И вот уже корабли повернули от Синопа на север, вот показался крымский берег... Анна с бьющимся

сердцем вглядывается в приближающуюся землю, и молитва не сходит с ее уст... Молятся и епископ, и придворные, молятся воины. Вот и берег - но среди встречающих нет жениха! Грозный князь отсутствует. Что это значит? Быть может, и в самом деле, полон?.. Но невеселые, почему-то смущенные и молчаливые дружинники встречают царевну с достойными, почтительными почестями, ведут ее в приготовленную палату и, вдруг она узнает о неожиданном несчастье: князь внезапно ослеп! Так, в один момент, Всемогущий Бог иногда меняет судьбы людей и целых государств... И, наконец, наступает момент встречи. Все потрясены и недоумевают. Что же может сказать князю царевна в такой непредвиденной обстановке? Анна вспомнила свои молитвы и произнесла единственные и знаменательные слова: «Крестись — тогда прозреешь» ...

Исходя из общей удивительной картины всей цепочки событий, у нас нет оснований сомневаться в том, что князь Владимир должен был креститься и венчаться с Анной в Корсуни. Как мы выше говорили, первоначально совершить крещение намечалось в Киеве. Здесь следует учесть важное замечание С.А. Беляева. Он отмечает, что царевна могла выйти замуж только на территории империи⁴². И тут, по Нестору, произошло вмешательство высших сил — слепота князя в момент прибытия Анны, и именно это решило вопрос о безотлагательном крещении там, где все и произошло. Триум-

фальное прибытие князя Владимира с царевной Анной в Киев в сопровождении сонма духовенства, с невиданными трофеями превосходило все ожидания и вызвало всеобщее ликование. Был и епископ - участие епископа в крещении, которое было необходимым, поминается в Чудовском списке. Народ явно узрел красоту Правосла-

вия, о которой говорили послы, ранее посетившие Царьград, и духовную силу Церкви, и вскоре последовавшее массовое крещение совершилось радостно, с полным доверием к великому князю.

Выбором христианской веры святой князь навечно определил религиозный путь русского народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Amann A. Abriss der ostslawischen Kirchtngeschichte. Wien, 1950, s.12.
- ² Лихачев Д.С. Крещение Руси и государство Русь // Новый мир. 1988. № 6. С. 257.
- ³ Первухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX-XI веков. Смоленск, «Русич»; М., Гнозис. 1995. с. 106-107.
- ⁴ Алексей Карпов. Владимир святой. М., 1997. С.112.
- ⁵ Первухин В.Я., С. 236.
- ⁶ см.: Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. Кн.1. М., 1994. С. 90-92.
- ⁷ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн.1., Т.1. М., «Мысль», 1988. С. 172.
- ⁸ Пресняков А.Е. Княжое право в древней Руси. Очерки по истории X-XII столетий. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 348.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Голубинский Е.Е. История Русской церкви. Т.1. период 1. 1-я пол. Т. М., 1901. С. 104 – 160.
- ¹² Голубинский Е. ... С. 166-167.
- ¹³ Пресняков А.Е. ... С. 347.
- ¹⁴ Аполлон Кузьмин. Крещение Киевской Руси. Электронная версия, л. 2.
- ¹⁵ Шахматов А.А. Корсунская легенда о крещении Владимира // Сборник статей в честь В.И. Ламанского. Отд. отт. Спб., 1906. С. 2.
- ¹⁶ Макарий (Булгаков). История Русской Церкви... С.93.
- ¹⁷ Львов А.С. ... Исследование Речи философа // Памятники древнерусской письменности. М. 1968. С. 387-389.
- ¹⁸ Лихачев Д.С. ... С. 252.
- ¹⁹ Шахматов А.А. Корсунская легенда... с. 2.

- ²⁰ Кузьмин А. ... стр. 4.
- ²¹ Там же.
- ²² Лев Лебедев прот., Крещение Руси. М., 1987. С. 98.
- ²³ Шахматов А.А. Один из источников летописного сказания о крещении князя Владимира // Почесть. Сб. статей по славяноведению, посвященных проф. М.С. Дринову его учениками... Харьков, 1908. С. 70.
- ²⁴ Шахматов А.А., Почесть... С. 70.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. Подготовил Н.Н. Любарский. Спб., «Наука», Серия «Литературные памятники», 1992. С. 290, прим. 31.
- ²⁷ Продолжатель Феофана, с. 73.
- ²⁸ Почесть... С. 68.
- ²⁹ «Древняя Русь в свете зарубежных источников». Сб. под ред. Е.А. Мельниковой, М., «Логос», 2000. С. 234-235.
- ³⁰ Голубинский Е. ... С. 112-114.
- ³¹ Лихачев Д.С. ... с. 252.
- ³² Шахматов А.А., Корсунская легенда... с. 5.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Шахматов А.А., Корсунская легенда... с. 6.
- ³⁵ Лихачев Д.С. ... С. 257.
- ³⁶ см., напр: Первухин... С. 141.
- ³⁷ Древняя Русь в свете зарубежных источников... с. 110.
- ³⁸ Шахматов А.А. Корсунская легенда ... С. 5.
- ³⁹ Шахматов А.А. Корсунская легенда ... с. 6-7.
- ⁴⁰ Шахматов А.А. Корсунская легенда ... с. 6.
- ⁴¹ Алексей Карпов... С. 235.
- ⁴² Опубликовано в интернете. Благодарю С.А. Беляева за ценные консультации.